

АНАТОЛЬ ЛЕРУА-БОЛЬЕ ОБ АРМЯНСКИХ ПОГРОМАХ 1890-Х ГОДОВ

В.А. Погосян

Первый этап геноцида армян (1894–1908), известный в историографии этой темы больше под определением «гамидовских погромов», был учинен над армянами, проживавшими главным образом на территории захваченной турками еще в XVI в. Западной Армении. На рубеже XIX–XX столетий геноцид армян проводился на уровне государственной политики при правлении полновластного султана Османской империи Абдул-Гамида II (1842–1918), которого выдающийся французский историк Альбер Вандаль впервые в истории охарактеризовал как «кровавого султана» (*sultan rouge*)¹. Эти события вызвали многочисленные отклики в различных странах Западной Европы, а также в России. Среди них без всякого преувеличения выделяется Франция, где демократические традиции имели давние и глубокие корни. Эхо организованного и осуществленного османским правительством массового истребления западных армян в 1894–1896 гг. благодаря усилиям представителей передовой французской общественности, ставших, как метко заметил Ф. Маклер, «адвокатами» целого народа, обреченного на гибель, прозвучало во Франции намного сильнее, чем где бы то ни было².

Процесс уничтожения армянского народа в 1890-х годах, жертвой которого, по общим подсчетам, стали 300 тыс. человек, несмотря на проводившуюся руководителями Третьей Республики очевидную протурецкую политику, был во Франции предан гласности. Его гневно осудили многочисленные политические, общественные, религиозные деятели, дипломаты, писатели, а также историки разных направлений. Среди авторов, обратившихся к освещению, а подчас и к научной интерпретации армянских погромов и их предыстории, были и очевидцы трагических событий (В. Берар, Л. де Контансон). В целом, работы многих из них имеют, несомненно, помимо историографического, еще и источниковедческое значение.

подавляющее большинство французских авторов, не располагая полноценной информацией, не были в состоянии полностью ориентироваться в сути разыгравшихся в Османской империи событий и выдвигали не совместимые с реальностью, а зачастую и неприемлемые трактовки. Однако, несмотря на разницу в политических

¹ Les Arméniens et la réforme de la Turquie. Conférence faite par M. Albert Vandal de l'Académie française dans la salle de la Société de Géographie. Le 2 février 1897. Paris, 1897. P. 13.

² Macler F. La nation arménienne. Son passé, ses malheurs. Paris, 1924. P. 45.

и научных ориентациях, повлиявших на выдвинутые этими авторами интерпретации, что вполне закономерно, их объединяла констатация уничтожения армянского народа³. При этом наиболее прозорливые из них неопровержимо доказывали наличие государственной политики и преднамеренности при уничтожении западных армян, являвшихся, к слову, основными объектами геноцида как феномена. Все они единодушно обличили Абдул-Гамида и его креатур и заклемили позором организаторов геноцида армян, развернув свою последовательную армянофильскую деятельность в различных направлениях, в зависимости главным образом от специфики своей профессии, используя при этом также и парламентскую трибуну (Ж. Жорес, Д. Кошен, Ф. де Прессансе и др.).

Что касается французских историков, среди которых достойны упоминания имена выдающихся представителей позитивистской историографии (Э. Лависс, Ш. Сеньобос) и апологетического направления в наполеоноведении (А. Вандаль, Э. Дрио), они не только обсуждали перипетии армянских погромов в своих книгах и статьях по истории восточного вопроса⁴, но и выступали во второй половине 1890-х гг. с публичными лекциями. Некоторые из них опубликовали тексты своих выступлений в виде брошюр или же в научных журналах того времени⁵.

Среди них был видный французский историк и либеральный общественный деятель, член Академии нравственных и политических наук Института Франции (1887) Анатолий Леруа-Болье (1842–1912). Как общественный деятель, он сконцентрировал свое внимание на проблемах антисемитизма⁶, а как историк, — развернул многоплато-

³ В данном случае речь идет не о тех немногочисленных, не являющихся профессиональными историками французских авторах, которые, по всей вероятности, по заказу Абдул-Гамида II в своих работах начали фальсификацию процесса истребления армян и заложили основы направления (существующего поныне) в историографии, отрицающего достоверность геноцида армянского народа. См. об этом: Погосян В.А. Фальсификация гамидовских погромов французской историографией (вторая половина XX в. — начало XXI в.) // «Андез амсориа». 2009. № 1–12. С. 293–316 (на арм. яз.); Он же: Первый этап геноцида армян через призму французской историографии и общественно-политической мысли (конец XIX — начало XX столетия). Ереван, 2011. С. 171–209 (на арм. яз.).

⁴ См. например: *Driault E.* La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, 1898; *Lamy E.* La France du Levant. Paris, 1900; *Cahuet A.* La question d'Orient dans l'histoire contemporaine (1821–1905). Paris, 1905; *Gaulis G.* Les questions d'Orient. Paris, 1905.

⁵ См. например: Les massacres d'Arménie. Conférence faite au salon Bibliographique le 9 mars 1896. Par M. le baron Carra de Vaux. Paris, 1896; *Pisani P.* Les massacres d'Arménie. Conférence faite à l'Institut Catholique de Paris le 3 mai 1896. Paris, 1896; Les Arméniens et la réforme de la Turquie. Conférence faite par M. Albert Vandal de l'Académie française dans la salle de la Société de Géographie; *Coulbaut P.* Les massacres d'Arménie et le rôle des puissances européennes. Angers, 1889.

⁶ *Leroy-Beaulieu A.* Les Juifs et l'antisémitisme. Israël chez les nations. Paris, 1893; *idem:* Les doctrines de haine. L'antisémitisme, l'antiprottestantisme, l'anticléricalisme. Paris, 1902.

вую деятельность, изучая различные проблемы истории Западной Европы⁷. Однако свои основные творческие силы А. Леруа-Болье направил на изучение истории России и внес заметный вклад в эту область⁸, став во Франции одним из первых русистов в последней трети XIX столетия⁹. Мало того, как отметила К.А. Цыкова, в западной историографии его труды «рассматриваются как классика французской русистики»¹⁰.

Интерес французского историка к России, где он был с 1872 по 1881 г. четыре раза и изучил русский язык, по всей вероятности, обусловливался франко-русским сближением в последней трети XIX столетия. Будучи горячим поборником русско-французского союза, он стремился создать у правителей Третьей Республики настроения, благоприятствовавшие его заключению, и добивался укоренения у французов доброжелательного отношения к России¹¹, что было характерно и для других его коллег-историков¹².

Работы А. Леруа-Болье имеют большую научную ценность и политическое значение, поэтому в России были переведены и изданы его основные труды¹³, он приобрел много друзей и почитателей¹⁴.

В конце XIX столетия из поля зрения Леруа-Болье не ускользнул на шумевший и причинивший правительственным кругам великих европейских держав немало хлопот армянский вопрос. Внимание

к нему со стороны некоторых французских историков, как нам представляется, был частично обусловлен желанием угодить России, союзнице Франции, в разрешении возникшего на Ближнем Востоке острого кризиса. Последний был чреват болезненной для европейских стран перспективой разделения территории Османской империи, а сам кризис затронул в равной степени интересы обеих стран-союзниц.

Выходу брошюры Леруа-Болье, посвященной армянскому вопросу¹⁵, тиражом в десять тысяч экземпляров предшествовало его выступление с публичной лекцией на эту тему 9 июня 1896 г. в салоне Научных обществ Парижа. Обладая колоссальными знаниями и обширным кругозором, он подверг тщательному научному анализу различные обстоятельства, имевшие непосредственное отношение к армянским погромам, изобразив их на обширном фоне эпохи.

Посетивший Кавказ французский историк считает армян «несчастливым» и «угнетенным» народом, а армянский вопрос именуется «болезненным» и «плачевным»¹⁶. С глубокой душевной болью он говорит о превращении Армении лишь в географическое понятие и о желании турок убрать с карты само слово «Армения», намерениях уничтожить армянский народ¹⁷. Невыносимые условия жизни армян в Османской империи он частично объясняет огромным расстоянием, отделяющим армянские провинции от столицы, подчеркивая, что «там пороки турецкой администрации проявлялись в самой жестокой форме. Там дух ислама господствует полновластно, там нет никакого контроля, нет справедливости для христиан, там всеисильны не только воля паши или каймакама¹⁸, но зачастую и произвольные причуды последнего турка»¹⁹. Справедливо считая Османскую империю неограниченной монархией, он характеризует султана Абдул-Гамида как личность, лишенную каких бы то ни было черт современного человека и превратившуюся в конечном итоге в «своеобразного пленника принципов и предрассудков старых турок», не имевшего ни малейшей склонности к установлению равенства между «райей» и верующими мусульманами²⁰.

Леруа-Болье фиксирует устремления некоторых западных армян к организации и самообороне в силу создавшихся для них невыносимых условий существования. Исследователь подвергает эти важные обстоятельства основательному анализу, так как именно они побудили

⁷ См. например: *Leroy-Beaulieu A. Un empereur, un pape, une Restauration.* Paris, 1879; *idem: La Parauté, le socialisme et la démocratie.* Paris, 1893.

⁸ *Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes.* Т. 1–3. Paris, 1881–1889; 2e éd.: Paris, Т. 1–2, 1883; 3e éd.: Т. 1–3. Paris, 1890; 4e éd.: Paris, Т. 1–3. Paris, 1897–1898 (Réédition: Paris, 1991); *idem: Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1872–1885).* Paris, 1884; *idem: La France, la Russie et l'Europe.* Paris, 1888; *idem: Études russes et européennes.* Paris, 1897.

⁹ *Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX – XX вв.).* М., 1996. С. 71.

¹⁰ *Цыкова К.А. Россия второй половины XIX – начала XX в. в трудах Анатоля Леруа-Болье.* Автореф. ... к.и.н. М., 2005. С. 3. Неслучайно, М.М. Ковалевский характеризовал его основной труд по истории России «Империя царей и русские» как своего рода открытие для Европы. См.: *Ковалевский М. Две смерти (Фредерик Пасси и Анатолий Леруа-Болье) // «Вестник Европы».* 1912. Июль. С. 366.

¹¹ См.: *Любина Г.И. Указ. соч.* С. 80; *Цыкова К.А. Указ. соч.* С. 4.

¹² См. например: *Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier.* Т. 1–3. Paris, 1891–1896.

¹³ *Леруа-Болье А. Евреи и антисемитизм.* СПб., 1894; *Он же: Антисемитизм.* СПб., 1898; *Он же: Власть и деньги.* СПб., 1900; *Он же: Христианство и демократия. Христианство и социализм.* СПб., 1906.

¹⁴ На кончину Леруа-Болье в России откликнулся не только его друг М.М. Ковалевский (см.: *Ковалевский М.М. Указ. соч.*), но и «Журнал министерства юстиции», опубликовавший в переводе на русский некролог, посвященный Леруа-Болье, написанный П. Шальем (1913. № 1. С. 184–199). Учитывая заслуги Анатоля Леруа-Болье в изучении истории России, посольство Французской Республики в России учредило недавно премию его имени, которая ежегодно присуждается за лучшее научное исследование о Франции на русском языке. Первыми ее лауреатами стали известные российские историки А.В. Чудинов и П.П. Черкасов.

¹⁵ *Les Arméniens et la Question arménienne. Conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu, membre de l'Institut à l'Hôtel des Sociétés savantes le 9 juin 1896.* Paris, 1896.

¹⁶ *Les Arméniens et la Question arménienne. Conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu.* P. 3, 4.

¹⁷ *Ibid.* P. 6.

¹⁸ Функционер османского правительства на местах, возглавлявший административную единицу, именуемую «казой».

¹⁹ *Ibid.* P. 15–16.

²⁰ *Ibid.* P. 21, 23.

османские власти (а вслед за ними и фальсификаторов истории, преданных им по сей день) прибегнуть к искажению истории геноцида армян. Леруа-Болье, имея на это все основания, объясняет поведение армян тем отчаянным положением, в котором они оказались после Берлинского конгресса 1878 г. Их мольбы об улучшении своей участи, несмотря на полученные обещания, оставались, как он отмечает, гласом вопиющего в пустыне, ибо на них не реагировали ни вершители судеб многомиллионной Османской империи, ни европейские дипломатические круги. Леруа-Болье не ставит армянам в вину проведение оборонительных мероприятий²¹, он переходит к подробному описанию тех обстоятельств (создание национальных партий, газет, пробуждение национального духа среди соотечественников), которые послужили причиной для несправедливой характеристики армян как анархистов, нигилистов и революционеров. Леруа-Болье уверенно опровергает эти выдуманные и не соответствующие действительности ярлыки: «И когда они, не желая терпеть притеснения, отважились показать, что готовятся защищаться, их нарекают революционерами, против которых допустимы все средства», — с горечью констатирует он²².

Потрясенный ужасами армянских погромов, Леруа-Болье заявляет: «В истории такого еще не было, я бы сказал более — даже солнце, вероятно, еще никогда не видело на нашей печальной, залитой кровью от бесчисленных преступлений планете столь ужасающего спектакля, который в течение долгих недель и месяцев разыгрывался в долинах Восточной Анатолии»²³. Не вникая в описание подробностей армянских погромов, он пытается выявить тех, на кого нужно возложить ответственность за их осуществление. Как это ни парадоксально, но историк, давший весьма меткие и беспристрастные оценки Абдул-Гамиду II и османским властям, в то же время воздерживается от возложения на них малейшей ответственности за содеянные преступления.

Вместо разоблачения лиц, на совести которых лежит уничтожение нескольких сотен тысяч армян, автор туманно и пространно дает понять, что он не склонен в чем-то упрекать османское правительство и самого султана: «Я не желаю и не хочу поверить, что султан мог бы дать такой приказ. Я не могу принять, что [Высокая] Порта или же Пале²⁴ могли бы дать подчиненным указание, повлекшее уничтожение армянской нации подобным образом. Но то, что мне известно, господа, то, что вытекает из всех рассказов очевидцев, сводится к тому, что все это было осуществлено преднамеренно, на основе сигнала властей. То есть,

если в глубинах Анатолии не имели приказа исходившего из Стамбула и Елдиз-Киошкы²⁵, то сознавали, что истребляя, могут угодить». Другое его объяснение того же вопроса настолько же туманно и не совсем ясно: «Можно утверждать, что давшие сигнал к погромам думали, что смогут угодить Пале»²⁶.

Очевидно, что в разоблачении ответственных за армянские погромы Леруа-Болье занял, мягко говоря, неоднозначную позицию. Весьма трудно (если не сказать невозможно) предположить, кого конкретно имеет в виду историк, полностью обеливший султана и османское правительство под понятием «властей». Не менее сложно разобраться в том, кем же были таинственные лица, ставшие инициаторами погромов армян, имена которых он осторожно обходит вниманием.

Продолжая свои размышления, Леруа-Болье упоминает, не вдаваясь в подробности, о погромах различных народов, имевших место на протяжении XIX столетия в Хиосе, Ливане, Болгарии, Египте, и приходит к нелогичному и не подлежащему интерпретации заключению: «Таковы методы восточной политики. А после этого, удивляет ли вас, господа, резня армян»? В конечном итоге он предпочитает возложить ответственность за массовое истребление армян на «восточную политику и мусульманский фанатизм», воздерживаясь при этом от трактовки расплывчатого понятия «восточной политики», а также уточнения и перечисления имен ее творцов²⁷.

Изложение Леруа-Болье полностью проникнуто идеей главенствующей роли в армянских погромах «мусульманского фанатизма», ставшей основой его концепции геноцида армян. В этой связи Леруа-Болье не преминул дать необходимые разъяснения, поскольку подводит читателя к отрицанию массового уничтожения западных армян на уровне государственной политики и по указанию султана и к утверждению доктрины сохранения территориальной целостности Османской империи.

Согласно его изложению, армянские погромы были обусловлены имевшейся между мусульманами и христианами религиозной враждой, предопределившей нетерпимость турок к армянам²⁸. «Если настоящим виновником не является фанатизм, то таковыми являются ненависть и зависть, ибо религиозная ненависть здесь переплетается с имеющейся между нациями ненавистью», — заключает он. В этой же связи он подробно останавливается на сложившейся в империи сложной обстанов-

²⁵ Дворец Абдул-Гамида в Константинополе, превратившийся в своего рода недоступную крепость.

²⁶ Ibid. P. 31, 33.

²⁷ Ibid. P. 33.

²⁸ Отметим, что этой неверной точки зрения в силу своего мировосприятия придерживалась часть его современников, среди них главным образом выделялись религиозные деятели (отец Шарметан, аббат Пизани и др.).

²¹ Ibid. P. 28.

²² Ibid. P. 29.

²³ Ibid. P. 30.

²⁴ Имеется в виду преступная камарилья Абдул-Гамида II, сосредоточившая к концу XIX в. в своих руках бразды правления огромной империей.

ке, справедливо указывая на то, что в армянских погромах участвовало большинство солдат и офицеров. К их помощи прибегли якобы для восстановления порядка, но из-за своей ненависти к христианам²⁹ они превратились в исполнителей резни тех, кого призваны были защищать. Так автор «подгоняет» события под свою схему.

Понимая, что необходимо многопланово обосновать свою концепцию геноцида армян якобы исключительно на основе религиозной вражды, Леруа-Болье приводит в своем повествовании разные и даже соответствующие исторической действительности факты. «Армяне, — пишет он, — были не единственными жертвами. Среди покойников были сотни, если не тысячи других *христиан* (курсив мой — В.П.), имевших различные обряды»³⁰.

Намного более веским аргументом для доказательства своих (неверных и далеких от действительности) объяснений Леруа-Болье послужило насильственное и зачастую вынужденное вероотступничество армян при погромах, прибегших к этой мере ради спасения своей жизни. Считая отречение армян от своей веры одним из «самых грустных» аспектов армянского вопроса, он отмечает: «Во многих местах жертвам была предоставлена возможность выбора между смертью и вероотступничеством»³¹. Это утверждение, разумеется, бесспорно, но в своих размышлениях Леруа-Болье обходит стороной намного более важное обстоятельство, а именно: истребление армянского народа на основе государственной политики и умысла, зафиксированных в рапортах французских дипломатов, аккредитированных в Османской империи в 1890-х гг. и направленных руководителям дипломатического ведомства Третьей Республики, правда, в 1896 г. еще не опубликованных³².

Тем не менее трудно предположить, что такой историк, как Леруа-Болье, обладавший колоссальной эрудицией, мог не знать о жестоких гонениях, а иногда и частичной резне, которым на протяжении XIX столетия регулярно подвергались проживавшие на территории Османской империи поработанные мусульманские народы (курды, арабы) при проявлении малейшего неповиновения османским властям. Да и мог ли профессиональный историк, вникший столь глубоко в суть армянского вопроса, не понимать, что армянские погромы являются частью государственной политики в Османской империи? Таково было своеобразное решение армянской проблемы — путем

²⁹ Ibid. P. 33, 34.

³⁰ Ibid. P. 34.

³¹ Ibid. P. 35.

³² Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'Empire Ottoman. 1893–1897. Paris, 1897; Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. (Supplément). 1895–1896. Paris, 1897.

истребления проживавших на территории своей родины армян. Это делалось для того, чтобы избежать углубления начатого еще в 1820-е гг. процесса расчленения империи. Как нам кажется, по отношению к Леруа-Болье это предположение маловероятно.

Итак, согласно Леруа-Болье, геноцид армян целиком и полностью обусловлен враждой, существовавшей с незапамятных времен между христианскими и мусульманскими народами. Эта вражда в любой момент могла разгореться с новой силой. «При отсутствии других способов, господство ислама утверждается только саблей», — заявляет он. Историк убежден, что именно в силу этих обстоятельств «процветавший в недалеком прошлом край превратился сегодня в усыпанную разрушенными деревнями и сожженными хижинами безлюдную пустыню», а уцелевшие армяне обречены на гибель, поскольку «холод, голод, бедственное положение безнаказанно доводят начатое убийцами дело до конца»³³.

Леруа-Болье справедливо осуждает равнодушие великих держав по отношению к обреченному на гибель армянскому народу, а также почти гробовое молчание французской прессы, подкупленной, к слову сказать, Абдул-Гамидом. А кровь жертв погромов, число которых, по его (неполным) данным, составляло от 40 до 50 тыс. человек³⁴, считает «результатом проявляемой дипломатией опрометчивости и небрежности»³⁵. Это, несомненно, одно из неоспоримых достоинств нашего автора. Он выражает свою твердую уверенность в том, что необходимо установить контроль европейских стран над событиями в Османской империи. Это позволило бы приостановить армянские погромы и тем самым свести на нет перспективу вооруженного вмешательства во внутренние дела этой страны какой бы то ни было европейской державы, которое могло бы послужить поводом для разжигания европейской войны. Другими словами, Леруа-Болье выступает, как и почти все его соотечественники вне зависимости от политических ориентаций, как страстный поборник сохранения территориальной целостности Османской империи. Страшась ее распада, он проявляет огромную заинтересованность, в частности, в обеспечении безопасности проживающих там народов, которое он рассматривает как одно из самых необходимых и непереносимых условий для сохранения и существования этой зловещей империи.

³³ Les Arméniens et la Question arménienne. Conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu. P. 36.

³⁴ Отметим для сравнения, что в 1896 г. Жорес число погибших армян доводил до 200 тыс. человек. См.: Жорес Ж. Против войны и колониальной политики / ред. и вступ. ст. А.З. Манфреда. М., 1961. С. 115.

³⁵ Les Arméniens et la Question arménienne. Conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu. P. 20, 32.

В этом вопросе следует отдать ему должное, ибо он честно и не скрываясь за туманными доводами берет на себя роль защитника политики европейских держав и в особенности Франции. Считая установление контроля европейских держав над Османской империей единственным возможным способом разрешения армянского вопроса, он полагает, что в противном случае империя «потеряет друг за другом все свои европейские и азиатские провинции... Именно этого мы хотим избежать, — отмечает он, — как ради интересов [Высокой] Порты, так и Европы. И для предотвращения этой катастрофы то, что мы требуем — это существование такой Турции, которая была бы пригодной для жительства всех — как христиан, так и мусульман»³⁶.

Очевидно, что Леруа-Болье, умело используя армянскую карту, волей-неволей выступает не столько в роли защитника армян, сколько убежденного и страстного поборника сохранения сложившегося между европейскими державами равновесия. Его основой являлась неприкосновенность территориальной целостности Османской империи³⁷. Вооруженное вмешательство европейских держав в ее внутренние дела могло бы привести в конечном итоге к расчленению территории этого государства между ними, но никто не мог бы заранее предугадать, кто остался бы в выигрыше, а кто в проигрыше. Тем самым было бы нарушено существовавшее между ними равновесие. К слову сказать, Абдул-Гамид, один из мудрейших политиков своего времени, отлично ориентировался в происках европейской дипломатии и уловил суть политики великих держав. Он позволил себе полнейшую свободу действий в своей империи, нагло и цинично игнорировал протесты европейских держав, которые в связи с армянскими погромами 1895–1896 гг. сыпались как из рога изобилия, но оставались без малейших положительных последствий для армян.

Как нам представляется, именно этим обстоятельством объясняется умеренная позиция Леруа-Болье в трактовке геноцида армян, проявлением которой было то, что автор избегал упоминания имен организаторов истребления армян на государственном уровне и раскрытия подлинных намерений османского правительства в подготовке и осуществлении этих погромов. В конечном итоге автор, лишь исходя из чисто «человеческой совести», требует предоставления «этим несчастным свободы вероисповедания»³⁸. По вопросу же оказания

³⁶ Ibid. P. 40.

³⁷ Европейские державы приступили к обсуждению вопроса о разделе Османской империи лишь во время Первой мировой войны. См.: *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 42–53.

³⁸ *Les Arméniens et la Question arménienne. Conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu.* P. 35.

помощи и содействия западным армянам Леруа-Болье считает необходимым для европейских держав потребовать от Высокой Порты «прекращения свирепств, позорящих Европу перед миром», и гарантий неповторения «аналогичных варварств», а также предоставление армянам права на жизнь, работу и вероисповедание³⁹. Но не более того.

В определенной степени свидетельство армянского общественного деятеля С. Сапах-Гуляна, по просьбе которого французский историк выступил с данной лекцией, проливает свет на этот вопрос. Как он отмечает, министр иностранных дел Третьей Республики известный османofil Габриэль Ганото, проводивший явную протурецкую политику и не скрывавший своих настроений, что не раз вызывало острую критику в его адрес со стороны проармянски настроенных французских деятелей⁴⁰, просил оратора проявить умеренность по отношению к османским властям⁴¹.

В любом случае выступление Леруа-Болье, вне зависимости от некоторых неприемлемых оценок автора, безусловно, способствовало расшатыванию той мощной крепостной стены⁴², которая отгораживала истину о пережитой армянским народом трагедии от широких слоев французского общества. В этой связи сам Леруа-Болье несколько лет спустя заявил: «Я был первым, кто выступил в Париже во времена молчания о погромах с лекцией для армян»⁴³. То же подтверждает и С. Сапах-Гулян. По его словам, после публикации брошюры Леруа-Болье «не осталось ни одного занимавшегося общественными делами человека, кто бы не разделял мысли именитого лектора»⁴⁴.

Брошюра Леруа-Болье, правда, без анализа, была представлена во французской печати⁴⁵. Однако это краткое представление все же способствовало распространению среди французской общественности включенной в нее информации. В этом и заключается историческое значение его выступления.

³⁹ *ibid.* P. 38, 39.

⁴⁰ См. например: *Quillard P. & Margery L.* La question d'Orient et la politique personnelle de M. Hanotaux. Paris, 1897.

⁴¹ *Сапах-Гулян С.* Указ. соч. С. 153.

⁴² Некоторые более объективные французские современники назвали создавшееся во Франции положение «заговором молчания». См.: *Bérard V.* La politique du sultan. Paris, 1897. P. 290; *Lavisse E.* Note sur le Livre Jaune // «Revue de Paris». Livraison du 15 mars 1897. P. 455.

⁴³ La Manifestation au Théâtre du Château-d'Eau de Paris (15 février 1903) // Pour l'Arménie et la Macédoine. Préface de V. Bérard. Introduction de P. Quillard. Rapport de Francis de Pressensé. Paris, 1904. P. 59.

⁴⁴ *Сапах-Гулян С.* Указ. соч. С. 154.

⁴⁵ *Les Arméniens et la Question arménienne, conférence faite par M. Anatole Leroy-Beaulieu // La vérité sur les massacres d'Arménie. Documents nouveaux ou peu connus.* Par un Philarmone. Paris, 1896. P. 121–125. Отметим также, что посвященная его брошюре статья была опубликована, опять же без анализа, и в одной из армянских газет. См.: «Мшак». 1896. № 100.